

Литвиненко Н.А.
**ПОЭТИКА «ПРАВДЫ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА[©]**

*Московский государственный областной университет
Москва, Россия, ninellit@list.ru*

Аннотация. В статье анализируются особенности миметической модели, которая определяла основные тенденции развития французского исторического романа первой половины XIX в. На основе историко-типологического подхода исследуются трансформации представлений об исторической правде, нашедшие воплощение в различных модификациях жанра: в романе-эпосе, романтическом, реалистическом, историко-приключенческом романе. Доказывается, что новая стадия историзации мышления позволила писателям проблематизировать понимание связей между вымыслом и фактографическим материалом, существующим вне искусства и накопившим опыт интерпретаций в предшествующие века. Отмечено, что романские нарративы формируют «эффект реальности», «современности несовременного», моделируют авторские стратегии мифологизации истории и жанра.

Ключевые слова: мимесис; правда; история; исторический роман; эстетика и поэтика; мифологизация; демифологизация.

Поступила: 04.05.2021

Принята к печати: 30.05.2021

Litvinenko N.A.
**The poetics of the “truth” in the French historical novel of
the first half of the 19th century[©]**

*Moscow Region State University,
Russia, Moscow, ninellit@list.ru*

Abstract. The article is based on the analysis of the features of the mimetic model, which determined the main trends in the development of the French historical novel of the first half of the nineteenth century. On the basis of the historical and typological approach, the transformations of ideas about historical truth are studied, which are embodied in various modifications of the genre: in the epic novel, romantic, realistic, historical and adventure novel. It is proved that the new stage of historicization of thinking allowed writers to problematize the understanding of the connections between fiction and factual material that exists outside of art and has accumulated experience of interpretation in the previous centuries. It is noted that novel narratives form the “effect of reality”, contemporary perspective of non-modern, and model the author’s strategies for mythologizing mythologization of history and the genre.

Keywords: mimesis; verity; truth; history; historical novel; aesthetics and poetics; mythologization; demythologization.

Received: 04.05.2021

Accepted: 30.05.2021

Проблема соотношения литературы и действительности, понимания мимесиса, «правды» искусства и в искусстве принадлежит к числу «вечных». В каждую эпоху, в каждом литературном направлении категории отражения, «правды» приобретают новые векторы интерпретации – философско-эстетические, гносеологические, экзистенциальные, культурно-исторические, семиотические.

При изучении исторического романа XIX в. целесообразно обратиться к аристотелевской парадигме, основанной на понимании «инсценировки и симуляции реальности» в искусстве, «имманентной и разветвленной миметической» модели [Чубаров, 2014, с. 59], поскольку проблема отражения, воссоздания историко-фактического материала, осмысления процессов его мифологизации становится одной из центральных в послереволюционную эпоху, волнует и историков, и романистов [Соловьева, Соколов, 2021, с. 17]¹.

[©] Litvinenko N.A., 2021

¹ О современных подходах и проблемах, связанных с изучением истории, «истины факта» см. [Соловьева, Соколов, 2021].

Послереволюционная эпоха во Франции, трансформировавшая познавательные парадигмы, семантику знака [Фуко, 2004], опиралась на просветительский опыт и ценностную релятивизацию ранее сложившихся и формирующихся эстетических систем. Литература пересматривала сложившиеся «нормы» и жанровые каноны, представления о вкусе и человеке, осваивала действительность под знаком не только «относительности», но и универсальной историзации изображаемого мира, вырабатывала новые этические и эстетические, общественные и личностные императивы. В век истории (*le siècle historique*), как называют XIX столетие, «прошлое стало странным, безвозвратно закрытым в себе и поэтому интересным, – пишет современный нидерландский исследователь. – Обнаружение факта существования расстояния между индивидуумом и социоисторической действительностью <...> сделало Западного человека субъектом, познающим собственное прошлое» [Анкерсмит, 2003, с. 185]. Революционная эпоха, втянувшая в свои драматические и трагические перипетии массы людей и целые континенты, породила насущный запрос на изучение закономерностей исторического развития, роли личности в истории [Реизов, 1956; *L'historiographie romantique*, 2007]. На вызовы времени отвечала не только историография, литературная критика, но и стремительно завоевывавший чрезвычайную популярность исторический роман.

Нарративная историография первой половины века обнаруживала множество противоречий и «правд», лежащих в основе анализируемых и описываемых событий. Истории Французской революции 1789 г. посвящены многочисленные труды Тьера и Минье, О. Тьерри и Гизо, Токвиля, Ламартина и Мишле. Историография опиралась на опыт литературного творчества предшественников и современников, в свою очередь, оказывая влияние на создаваемые писателями исторические нарративы [Реизов, 1956]. Влияние великого романтика и реалиста Вальтера Скотта, стремившегося к «безупречной правдивости», многостороннему изображению эпох и событий, играло моделирующую роль в формировании общеевропейского жанрового канона исторического романа, соединявшего в сложном конгломерате Большую «подлинную» историю с вымыслом – судьбой частного индивида. Намерение выйти за границы упрощенно-рационалистического понимания исторической «правды», «неискоренимой субъективности», как и поэтика

рождающегося романтизма, тяготеющего к постижению тайн мира и духа, определили новую специфику повествователя. Он предстал перед читателем в качестве не всевластного и иронического демиурга, а пристрастного аналитика, воспринимающего прошлое сквозь «старые» исторические мифы и конструирующего новые. Тенденции мифологизации затронули все векторы исторического знания, в том числе все модификации исторического романа. Переосмысливаемый и творимый исторический миф соединял, «скрещивал» реальность «иллюзорную» и «действительную» с глубинами непознанного, определяющими судьбы людей и ход исторических событий.

Трудно найти столь обильно насыщенную разнообразными кодами категорию, как «правда» искусства и правда в искусстве в литературе XIX века. В историческом дискурсе первой половины столетия «*vérité*» играет роль когнитивно-эстетической метафоры и кода культуры. Эпистемологическая семантика «правды» (*vérité* – истина, правда) – предмет нестихающей полемики историков и романистов, в процессе ее интерпретации сталкивающихся в абсолютной и относительной соотнесенности произведение искусства с внеэстетической реальностью исторического факта. Условность возникающих на этой основе литературно-эстетических соответствий была очевидна уже для автора «Исповеди» (*Les Confessions*, 1765–1770) Руссо. Французские романтики начала века (Шатобриан, Жермен де Сталь), как и более позднее поколение (В. Гюго, Нодье, Мюссе, Жорж Санд), использовали различные формы и стратегии воплощения авторского «я» (*autofiction*) [Dufief-Sanchez]. Динамизм, ускользающая от определенности психологическая субстанция «мировой скорби» структурировали феномен лирического героя, субъективно-личностные модели восприятия и изображения мира, образы персонажей, пребывающих в отношениях весьма относительного тождества с жизненной историей прототипов «сыновей века». Факт и его интерпретация утрачивали статус тождества, вымысел и реальность вступали во взаимодействие, в диалогические связи друг с другом.

Многочисленные романы, опиравшиеся на опыт вымышленных и «случайно» найденных «записок», как и разнообразные мемуары и псевдомемуары предшествующих и современной эпох, апеллировали к «правде», изменяя, переосмысливая или имитируя –

в соответствии с принципами собственной эстетики – лежащий в основании произведений жизненный материал; создавали «эффект реальности» прошлого.

Категория «правды», помимо меняющейся оценочно-метафорической и «житейской» семантики, в пространстве научной аналитики выполняет функцию суггестивного знака, замещающего на каждом этапе историко-литературного развития комплекс представлений о правде факта и правдоподобию, добре и красоте, законах и принципах художественного письма. В XIX в. эта категория не могла избежать серьезных трансформаций и заложенного в ней потенциала эстетической редукции [Подорога, Александров, 2021], что, в свою очередь, было связано с меняющимися горизонтами читательских ожиданий, со стремлением найти в ушедших эпохах ключи для понимания современности и будущего. Осваивая и изображая события давнего или недавнего прошлого, исторический роман погружал читателя в рефлексивное пространство конструируемых мифов – «правды» художественной и в то же время экзистенциальной, антропологической – духовной жизни социума и индивида. При этом от романистов начала века не ускользает, если прибегнуть к высказыванию Ю.М. Лотмана, понимание относительной адекватности «внеязыкового объекта его отражению в мире языков» [Лотман, 2000, с. 13]. Писатели сознают противоречивость, множественность «истин» и «правд», скрывающихся в глубине любых свидетельств и исторических документов.

«Систематическая незавершенность» [Анкерсмит, 2003, с. 193] ушедших эпох стала предметом рефлексии в историческом романе, определяла магистральный вектор «восхождения (общественного сознания) назад к своему прошлому и устремленности вперед к своему будущему»¹.

При всем обилии трудов, посвященных жанру исторического романа XIX столетия [Реизов, 1958; Gengembre, 2010; Lukács, 1965; Lorusso, 2007; Maigron, 1898; Molino, 1975], исследование лежащих в основании жанра процессов мифологизации, создаваемых писателями романно-исторических и социокультурных мифов актуально, поскольку углубляет научные представления о взаимосвязях

¹ Этими словами современный историк характеризует период французской истории, начинающийся 1815 г. [Фюре, 1998].

истории и литературы, эволюции и поэтике жанра исторического романа, о межжанровых, межэстетических взаимодействиях в литературе первой половины века; о процессах выработки моделей и канонов популярной, массовой литературы XIX–XX вв. В рамках небольшой статьи мы затронем отдельные аспекты обозначенных проблем.

Один из зачинателей жанра романтического исторического романа, автор «Духа христианства» (*Génie du christianisme*, 1802) Шатобриан, задумал «Мучеников...» (*Les Martyrs, ou le Triomphe de la foi chrétienne*, 1809) как эпопею, хотя написал, по мнению современников, «всего лишь» роман. В одном из первых произведений нового рождающегося жанра он соединил вымышленный романский сюжет с библейской символикой и историческими аллюзиями. Поэтика трагедийных контрастов, устремленности героя к жертвенному служению вере погружала читателя в эпоху великого переселения народов, цивилизационного и культурного сдвига, определившего судьбы Европы, и в то же время самым непосредственным образом касалась современности – атмосферы и событий послереволюционного времени. Поэтика романтического романа-эпопеи формировала грандиозный провиденциальный миф о судьбах человечества и христианства, исторический и сакральный. Вымышленный сюжет соединял время историческое и универсально-символическое «время вечности». Однако для автора «Мучеников» правда истории не сводилась к жертвенной символике библейского мифа, картин раннего Средневековья, она преломлялась в поэтике романно-психологической, в изображении судеб героев – Эвдора и Кимодокеи. Полисемантика романтического двоемирия закладывала векторы мифологизации, интерпретации истории как мифа – смены эллинской культуры христианской.

Традиции Шатобриана на новой ступени зрелости романного жанра развивал Гюго. Автор предисловия к «Кромвелю» (1827) вслед за создателями сентименталистского романа (Руссо, Бернарден де Сен-Пьер) в духе нового времени рассматривал природу и правду (*la nature et la vérité*) как высшие ценностные ориентиры, дополнив их категориями вдохновения и гротеска. Синтез этих начал получил преломление в масштабных гиперболах «Собора Парижской Богоматери» – романа, сочетавшего философско-лирическую стилистику с карнавальностью и готико-байронической

традицией, с поэтическим идеалом красоты и любви, запечатленным в символике Парижа и Эсмеральды. Природа и истина в романном мифе Гюго противоречивы и амбивалентны, сочетают историческое и универсальное в творимом автором черно-золотом мифе о позднем Средневековье, – эпохе трагической, переходной и прекрасной. Почти отказавшись от исторических персонажей, писатель сделал сюжетным центром образ-миф-символ Собора Парижской Богоматери, включив его в пронизанное светом из будущего пространство дискурса повествователя-поэта, поступательного развития человечества.

Крупнейшие создатели жанра исторического романа 1820-х гг. (Виньи, Мериме), обращаясь к событиям XVI–XVII вв., вырабатывают стратегии романического – построения напряженно-драматического событийного ряда, неуклонно ведущего героя и сюжет к трагической развязке; формируют жанровые каноны, в перспективе клишируемые «репликаторами» жанра, переосмысливают события, осознанно, в русле «современных», собственных представлений мифологизируют историю – или демифологизируют ее.

Читатели-современники Виньи увидели в романе «Сен-Мар» (*Cinq-Mars*, 1826) свежесть, но и отступление от правды (*fausse*), спонтанность и тенденциозность; отметили двойственную природу таланта автора, индивидуальность которого была «слишком яркой, чтобы довольствоваться простым воспроизведением картин прошлого» [Baldensperger, 1929, p. 43–44]. В статье, опубликованной 8 июля 1826 г. в «Globe», Ш. Сент-Бев подчеркивал «богатство поэтического воображения» Виньи, в то же время ошибочно полагая, что Виньи не обладает качеством, необходимым для романиста, – «чувством реальности». Будущий великий критик оценивал роман с позиций верности писателя фактографической исторической правде [Sainte-Beuve, 1869, p. 537–542], тогда как Виньи создавал свой романтический миф об одиночестве Героя, устремленного к идеалу, соединившего в трагическом абсолюте любовь, дружбу и смерть. Сквозь судьбы героев «Сен-Мара» просвечивал горький опыт собственных и не только собственных разочарований поэта-романтика Виньи. Историческое воображение писателя подчинялось законам романтического мифотворчества – поисков идеала в мире, обустроенном для несчастья, в котором господствуют интриги, несправедливость, корысть.

Аналитик Виньи глубоко осознавал разрыв, который существует между реальной действительностью, правдой исторического факта и правдой его последующих трансформаций в общественном сознании сменяющих друг друга эпох. Программным для понимания истории и поэтики жанра во французской литературе первой половины XIX в. стало его предисловие к четвертому изданию «Сен-Мара» «Размышления о правде в искусстве» (*Reflexions sur la vérité dans l'art*, 1829). В нем автор раскрывает механизмы социокультурной, психологической сублимации, лежащие в основе мифотворчества, взаимосвязей истории и мифа¹. Придавая ценность документа легендам и сказаниям, писатель видит в них выражение правды (*vérité*), но не правды позитивистски интерпретируемого факта, а «правды художественной, более истинной, чем историческая» «*le vrai poétique... plus vrai que le vrai réel*» [Vigny, 1861, p. 7–8]. Виньи раскрывает один из универсальных механизмов трансформации исторического факта в миф, рассматривая его как явление социокультурной и ментальной сферы: «История вчерашнего дня приспособляется к желанию общественного мнения, тиранической и капризной музы, которая сохраняет общее и произвольно меняет подробности... Сотворенный потребностями времени лишь наполовину, факт погребен, никому неведомый и косный, наивный и грубый, иногда бесформенный, как необработанная мраморная глыба; первый, кто откапывает его и берет в руки, желает, чтобы он был другой формы и передает его следующему уже немного отточенным; другие шлифуют его, передавая из рук в руки» [Vigny, 1861, p. 7–8]. Виньи использует метафору куколочки бабочки (*la chrysalide*) факта, который с помощью вымысла (*fiction*) обретает крылья. Воображение порождает новые смыслы, соотносимые в генезисе с первоисточником – фактом, но не совпадающие с ним.

Задолго до изощренных практик постмодернизма Виньи вносит элемент проблематизации в интерпретационную модель исторического романа, не отрицая, однако, его познавательных ресурсов. В «Сен-Маре» в обрисовке главных героев (Сен-Мара, Ришелье, де Ту) писатель отступает от документальной правды во

¹ По мысли Бертрана де ла Салья, этого не сделали даже такие авторитетные историки XIX в., как Ш. Сеньобос и Ж. Бенвиль [De la Salle, 1939, p. 71].

имя художественной, основанной на утверждении нравственно-этического идеала любви, верности, дружбы. Именно нравственный императив, по мысли писателя, лежит в основе процессов мифологизации истории: «Все человечество чувствует потребность в том, чтобы судьбы его были для него самого рядом поучений; более равнодушное к реальным фактам, чем обычно полагают, оно хочет усовершенствовать событие, чтобы наполнить его высоким нравственным смыслом» [Vigny, 1861, p. 7], – пишет Виньи. Автор «Сен-Мара» полагает, что подобный миф становится выразителем духовного запроса социума, свидетельством о его моральных победах в борьбе с врагами и судьбой, позволяет переосмыслить историю в новом контексте и великолепии. История и воображение совпадают в историческом и романном мифе, и потому прошлое может предстать «улучшенным», «облагороженным», «наказанным». Демифологизация истории, что очевидно, порождает новые стратегии ее художественной мифологизации.

Исторический роман Виньи закрепляет в формирующемся жанре аксиологическую доминанту – поиск и утверждение нравственного смысла истории и в истории; на романтической основе писатель актуализирует диалог автора и читателя с историками предшествующих эпох.

Попытку отделить историю от мифа в жанре исторического романа предпринял Мериме в «Хронике царствования Карла IX» («*Chroniques du règne de Charles IX*» (1829). Автор «Театра Клары Гасуль» (1825), «Гюзлы» (1827), «Жакерии» (1828) сформулировал собственную, во многом «альтернативную» модель историзации жанра [Maigron, 1898], в основе которой лежал принцип демифологизации: не игнорирование суждений «официальных» историков, а преимущественное доверие к частным свидетельствам современников (Брантом, д'Обинье, Тавану, Ла-Ну). У них он ищет ответы на вопросы, связанные с событиями Варфоломеевской ночи. В традициях французского парадоксализма (Рабле, романы барокко, максимы Ларошфуко, комедии Мольера, философские и художественные тексты Вольтера, Дидро), с нескрываемым эпатажем, доверительно беседуя с читателем, Мериме пишет: «Я с удовольствием отдал бы Фукидида за подлинные мемуары Аспазии или Периклова раба» [Mérimée, 1949, p. 2]. В своеобразном диалоге Стендаля с Вальтером Скоттом Мериме, если бы стал участником его, был бы

на стороне автора «Принцессы Клевской». И в анекдотах (в том значении, в котором тогда употреблялось это слово), и в мемуарах, где их было много, Мериме ищет психологическую правду – «правдивую картину нравов и характеров данной эпохи» [Mérimée, 1949, р. 2], своеобразно понимаемую «историю повседневности».

Рефлексия о современном историческом знании, как и в самой исторической науке тех лет, обусловлена спецификой одной из разновидностей нарративного дискурса – заинтересованного анализа точек зрения, свидетельств, слухов, событий, факторов: «верно ли были поняты причины резни? Была ли она подготовлена заранее или же явилась следствием решения внезапного, быть может – делом случая? Рассмотрим, выиграла бы или проиграла королевская власть от такого плана и в ее ли интересах было согласиться на то, чтобы он был приведен в исполнение» [ibid., р. 6]. В основе размышлений повествователя логика психологическая и прагматически рациональная.

Сравнивая Мехмет-Али с современным министром, убийство в 1500 г. с убийством в «наши дни», Мериме иронизирует над теми, кто в духе исторического детерминизма захотел бы оправдать преступление: «преступление», но – не такое страшное, как резня в XIX в. Писатель оставляет вопрос открытым: «Остается решить <...>: лучше ли мы наших предков, а это нелегко, ибо взгляды на одни и те же поступки с течением времени резко изменились» [Mérimée, 1949, р. 3]. Таким образом, преступление рассматривается в двойном ракурсе, не переставая быть таковым, но нравственная оценка проблематизируется, обращена к сознанию читателя романа. Взвешивая аргументы и свидетельства современников Варфоломеевской ночи, рисуя судьбы героев, писатель снимает с истории таинственный и мистический флер, делает ее рукотворной. «Великое избиение не явилось следствием заговора короля против части своего народа. Варфоломеевская ночь представляется мне непредвиденным, стихийным народным восстанием» [ibid., р. 9], – пишет он. Случайное и иррациональное гораздо масштабнее, чем у Виньи, смещено в область социальной психологии, историко-религиозных конфликтов, психологии масс.

Романная, историческая рефлексия Мериме над трагедией 1572 г. вела к демифологизации ранее сложившейся исторической картины мира. Однако это не исключает того, что подобная объяс-

нительная парадигма, в свою очередь, в перспективе развития жанра могла стать источником для конструирования новых инвариантов идеологического мифа о роли личности в истории и процессах общественного развития. Скепсис Мериме обладал не меньшим мифологизирующим потенциалом, чем оптимизм представителей либеральной историографии.

К 1830-м гг. дискурс истории органично вошел во все сферы, виды и жанровые формы литературы. В творчестве Бальзака, Стендаля, Жорж Санд, Мериме он стал социопсихологической основой изображения современности – эпохи Реставрации и Июльской монархии. Расцвет журналистики, бурный рост читательской аудитории, разнообразие складывающихся модификаций романного жанра, популярная романистика, роман-фельетон способствовали развитию заложенных на предшествующем этапе эволюции жанра модусов и форм романического. Оказались востребованы «старые» и новые исторические и социокультурные мифы о Герое и антигерое, народе, прошлом и будущем Франции, всего человечества (Э. Сю, А. Дюма, В. Гюго, Жорж Санд). Подобные идеологемы, векторы социокультурной идентификации, как правило, стирали различия между разными уровнями литературы и модификациями романного жанра.

Исторический роман эпохи Июльской монархии усваивает, трансформирует традиции жанра, уже не апеллирует так настойчиво к своей фактографической первооснове. Он разрабатывает стратегии мифологизации «правды» в русле историко-приключенческих модификаций жанра (Э. Сю, А. Дюма, отчасти Жорж Санд). Используя приемы, стереотипы популярной романистики, стратегии, выработанные романтизмом и историческим романом 1820-х гг., А. Дюма создает свои обширные и увлекательные художественные миры. По мысли Молино, Дюма, принявший миф за реальность, а пафос мифа за истину, воспроизводит историю, «более подлинную, чем то, что произошло в действительности (*la réalité d'ici-bas*)», «повествует, объясняет, удостоверяет существование мира и человека в их важнейших детерминантах» [Molino, 1978]. «Мифограф и мифолог», как назвал свою книгу об авторе «Трех мушкетеров» современный литературовед [Prévoist], Дюма создает грандиозный национально-патриотический и общеевропейский миф, он прославляет Героя, участника и творца истории,

носителя рыцарской доблести и идеалов, и Францию как символ революции и свободы. Все, что противостоит этим ценностям, порицаемо и в исторической перспективе, по мысли Дюма, обречено. Стратегии романического – приключенческая интрига – формируют поэтику этого мифа в романых циклах о мушкетерах, в тетралогии о Французской революции, где истина и правда при всех своих отклонениях от фактографической точности служат утверждению универсально-демократических ценностей и начал.

Жорж Санд в исторических романах обращается к XVIII веку [De la Salle, 1939]. В духе просветительской утопии, воспитательной парадигмы она формирует феминистский миф, изображая становление героя в романе «Мопра» (*Mauprat*, 1837). В дилогии «Консуэло» (*Consuelo*, 1842–1943) и «Графиня Рудольштадт» (*La Comtesse de Rudolstadt*, 1843–1844) писательница встраивает увлекательный, стремительно развивающийся поток событий в телеологический миф, где настоящее становится преддверием и предвестием будущего. Дилогия обретает целостность в народно-социалистическом мифе, в структуре которого сочетаются историко-приключенческая интрига и элементы готики, дискурс социальной утопии и события исторические, контексты музыкальной и политической жизни европейских стран – Италии, Чехии, Австро-Венгрии, Пруссии, Франции. Идейные, идеологические, эстетические модусы мифологизации служат утверждению доминантной идеи – служения искусству, неуклонного движения человечества к высшему и справедливному будущему.

Модификации жанра исторического романа создавались в романтическую эпоху в процессе поисков исторической «правды» и ее мифологизации, что в дальнейшем привело к тиражированию социокультурных и исторических мифов в популярной романистике 1830–1840-х гг., в массовой культуре XX в.

Исторический роман на протяжении ряда десятилетий играл роль своеобразного «триггера», запускающего механизмы рефлексии над «современностью несовременного» (*«la contemporanéité du non contemporain»*) [Lorusso, 2007], над социоисторическими процессами развития культуры на разных этапах ее эволюции, над синхронными и диахронными аспектами взаимодействия между ними. Новаторские повествовательные стратегии сочетались с клишированием, выработкой и обновлением модификаций жанра.

Задача романистов не сводилась к созданию референтной иллюзии; «незавершенность» прошлого и настоящего стимулировала рефлексию над действительностью, которая существует «вне искусства»: поздняя Античность и торжество христианства (Шатобриан), заговор во времена Людовика XIII (Виньи), события Варфоломеевской ночи (П. Мериме), восстание в Севеннах («Жан Кавалье» (*Jean Cavalier*, 1840) Э. Сю, музыкальная жизнь и социальные искания XVIII–XIX вв., тайны и будущее народа (Жорж Санд, Э. Сю), героические деяния, подвиги и судьбы исторических, не вполне исторических и вымышленных персонажей XV–XIX вв. (А. Дюма). Рефлексия над романским и собственно историческим материалом, миром чувств и судьбами персонажей, роковым, случайным и закономерным ходом событий определяла модификации и поэтику тех множественных «правд», которые запечатлел исторический роман. Текст и контекст их изображения был обусловлен взаимодействием литературных направлений, амбивалентно и противоречиво реализовал процессы мифологизации истории и ее демифологизации. Сознвая относительность нравственно-эстетических ценностей и императивов, создатели исторического романа первой половины века, сохраняли веру в единство истины, добра и красоты. Создавая мифы, сопрягая эпохи, романисты-романтики и реалисты выступали пророками прошлого и будущего, угадывали и выявляли таящиеся в глубинах истории множественные смыслы и перспективы, проецировали прошлое в современность и будущее, делая индивида носителем и выразителем «всеобщей» судьбы.

В предощущении грозящих миру катастроф постмодернистский роман XX века в поисках новой «соразмерности» прибегает к интертекстуальной иронии, к мифам и демифологизации, к поэтике «двойного кодирования», апеллирует к недостоверным, казалось бы, а на самом деле важнейшим смыслам и «правдам», которые выработал французский исторический роман первой половины XIX века, сохраняющий эстетическую актуальность.

Список литературы

- Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология : взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семисфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – Санкт-Петербург : Искусство–СПб., 2000. – С. 12–148.
- Подорога В.А., Александров А.В.* Мимесис // Гуманитарный портал. Концепты [электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий. – 2021. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7324> (дата обращения: 30.04.2021). – (Последняя редакция: 22.03.2021).
- Реизов Б.Г.* Романтическая историография. – Ленинград : Изд-во Ленинградского гос. университета, 1956. – 533 с.
- Реизов Б.Г.* Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Ленинград : Гослитиздат, 1958. – 567 с.
- Соловьева И.М., Соколов П.В.* Отцы кентавров и Клио in partibus infidelium // Клио в зазеркалье / отв. ред. Иванова Ю.В. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – С. 7–36.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология знания. – Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2004. – 416 с.
- Фюре Ф.* Постигание французской революции / пер. с фр. Д.В. Соловьева. – Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 1998. – 224 с. – URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/042012/24042012-04a.html> (дата обращения: 30.04.2021).
- Чубаров И.* Коллективная чувственность. Теории и практики левого авангарда. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 344 с.
- Baldensperger F.* Alfred de Vigny. Contribution à sa biographie intellectuelle. – Paris : La nouvelle revue critique, 1929. – 213 p.
- Claudie B.* Le Passé recomposé. Le roman historique français du dix-neuvième siècle. – Paris : Hachette Supérieur, 1996. – 320 p. – (Recherches Littéraires).
- Dufief-Sanchez V.* Philosophie du roman personnel de Chateaubriand à Fromentin, 1802–1863. – Genève : Droz, 2010. – 416 p. – (Histoire des idées et critique littéraire).
- L' historiographie romantique / dir. de Claudon F., Encrevé A., Richer L.* – Bordeaux : Editions Bière, 2007. – 285 p.
- Gengembre G.* Le roman historique : mensonge historique ou vérité romanesque? // Etudes. – 2010. – N 413. – P. 367–377.
- Lukács G.* Le roman historique / trad. française de R Saille. – Paris : Payot, 1965. – 407 p.
- Lorusso S.* Le modèle de Scott et trois romans historiques français : le début et les fins // Fabula. Les colloques. Le début et la fin. Roman, théâtre, B.D., cinéma. – 2007. – URL: <http://www.fabula.org/colloques/document743.php> (accessed 30.04.2021).
- Maïgron L.* Le roman historique à l' époque romantique. – Paris : Honoré Champion, 1898. – 239 p.

- Mérimée P.* Chronique du règne de Charles IX. – Paris : Garnier Frères, 1949. – 332 p.
- Molino J.* Alexandre Dumas et le roman mythique // *L’Ars*. – 1978. – N 71. – P. 56–69.
- Molino J.* Qu’est-ce que le roman historique ? // *Revue d’Histoire littéraire de la France*. – 1975. – N 2/3. – P. 195–234.
- Prévost M.* Alexandre Dumas mythographe et mythologue. *L’Aventure extérieure*. – Paris : Honoré Champion, 2018. – 286 p. – (Romantisme et modernités).
- Sainte-Beuve C.A.* Appendice sur le Cinq-Mars de M. de Vigny // *Sainte-Beuve C.A. Portraits contemporains*. – Nouvelle édition. – Paris : Michel Lévy Frères, 1869. – T. 2. – P. 537–542. – URL: [https://fr.wikisource.org/wiki/Livre: Sainte-Beuve_ - Portraits_contemporains,_t2,_1869.djvu](https://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Sainte-Beuve_-_Portraits_contemporains,_t2,_1869.djvu) (accessed 30.04.2021).
- De la Salle B.* Alfred de Vigny. – Paris : Fayard, 1939. – 424 p.
- Thomas C.* Le mythe du XVIIIe siècle au XIXe siècle, 1830–1860. – Paris : Honoré Champion, 2003. – 636 p.
- Vigny A. de.* Réflexions sur la vérité dans l’art // *Vigny A. de. Cinq-Mars ou Une conjuration sous Louis XIII*. – 13e ed., précédée de Réflexions sur la vérité dans l’art. – Paris : A. Bourdilliant et Cie, editeurs, 1861. – P. 1–10. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56995028/f455.item> (accessed 30.04.2021).

References

- Ankersmit, F.R. (2003). *Istorija i tropologija: vzlet i padenie metafory*. Moscow: Progress-Tradicija.
- Lotman, Ju.M. (2000). Kul'tura i vzryv. In Ju.M. Lotman, *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashkih mirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki* (pp. 12–148). Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Podoroga, V.A., & Aleksandrov, A.V. (2021). *Mimesis*. Retrieved from <https://gtmarket.ru/concepts/7324>.
- Reizov, B.G. (1956). *Romanticheskaja istoriografija*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo gos. universiteta.
- Reizov, B.G. (1958). *Francuzskij istoricheskij roman v jepohu romantizma*. – Leningrad: Goslitizdat.
- Solov'eva, I.M., & Sokolov, P.V. (2021). Otcy kentavrov i Klio in partibus infidelium. In Ju.V. Ivanova (Ed.), *Klio v zazerkal'e* (pp. 7–36). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Fuko, M. (2004). *Slova i veshhi. Arheologija znanija*. Saint-Petersburg: Gumanitarnaja akademija.
- Fjure, F. (1998). *Postizhenie francuzskoj revoljucii*. Saint-Petersburg: INAPRESS. Retrieved from <http://www.fedy-diary.ru/html/042012/24042012-04a.html>
- Chubarov, I. (2014). *Kollektivnaja chuvstvennost'. Teorii i praktiki levogo avangarda*. – Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki.
- Baldensperger, F. (1929). *Alfred de Vigny. Contribution à sa biographie intellectuelle*. Paris: La nouvelle revue critique.

- Claudie, B. (1996). *Le Passé recomposé. Le roman historique français du dix-neuvième siècle*. Paris: Hachette Supérieur.
- Dufief-Sanchez, V. (2010). *Philosophie du roman personnel de Chateaubriand à Fromentin, 1802–1863*. Genève: Droz.
- Claudon, F., Encrevé, A., & Richer L. (Eds.). (2007). *L'Historiographie romantique*. Paris: Editions Brière.
- Gengembre, G. (2010). Le roman historique : mensonge historique ou vérité romanesque? *Etudes*, 413, 367–377.
- Lukács, G. (1965). *Le roman historique*. Paris: Payot.
- Lorusso, S. (2007). *Le modèle de Scott et trois romans historiques français: le début et les fins*. Retrieved from <http://www.fabula.org/colloques/document743.php>.
- Maigron, L. (1898). *Le roman historique à l'époque romantique*. Paris: Honoré Champion.
- Mérimée, P. (1949). *Chronique du règne de Charles IX*. Paris: Garnier Frères.
- Molino, J. (1978). Alexandre Dumas et le roman mythique. *L'Ars*, 71, 56–69.
- Molino, J. (1975). Qu'est-ce que le roman historique? *Revue d'Histoire littéraire de la France*, (2–3), 195–234.
- Prévost, M. (2018). *Alexandre Dumas mythographe et mythologue. L'Aventure ex-térieure*. Paris: Honoré Champion.
- Sainte-Beuve, C.A. (1869). Appendice sur le Cinq-Mars de M. de Vigny. In C.A. Sainte-Beuve, *Portraits contemporains. Nouvelle édition* (Vol. 2, pp. 537–542). Paris: Michel Lévy Frères. – Retrieved from https://fr.wikisource.org/wiki/Livre:Sainte-Beuve_-_Portraits_contemporains,_t2,_1869.djvu (accessed 30.04.2021).
- De la Salle, B. (1939). *Alfred de Vigny*. Paris: Fayard.
- Thomas, C. (2003). *Le mythe du XVIIIe siècle au XIXe siècle, 1830–1860*. Paris: Honoré Champion.
- Vigny, A. de. (1861). Réflexions sur la vérité dans l'art. In A. de Vigny, *Cinq-Mars ou Une conjuration sous Louis XIII*. 13 e ed., précédée de Réflexions sur la vérité dans l'art (pp. 1–10). Paris: A. Bourdilliant et Cie, editeurs. Retrieved from <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56995028/f455.item> (accessed 30.04.2021).